

Неудача

Илья Сергеич Пеплов и жена его Клеопатра Петровна стояли у двери и жадно подслушивали. За дверью, в маленькой зале, происходило, по-видимому, объяснение в любви; объяснялись их дочь Наташенька и учитель уездного училища Щупкин.

Клюет! шептал Пеплов, дрожа от нетерпения и потирая руки. Смотри же, Петровна, как только заговорят о чувствах, тотчас же снимай со стены образ и идем благословлять... Накроем... Благословение образом свято и ненаруσιμο... Не отвертится тогда, пусть хоть в суд подает.

А за дверью происходил такой разговор:

Оставьте ваш характер! говорил Щупкин, зажигая спичку о свои клетчатые брюки. Вовсе я не писал вам писем!

Ну да! Будто я не знаю вашего почерка! хохотала девица, манерно взвизгивая и то и дело поглядывая на себя в зеркало. Я сразу узнала! И какие вы странные! Учитель чистописания, а почерк как у курицы! Как же вы учите писать, если сами плохо пишете?

Гм!.. Это ничего не значит-с. В чистописании главное не почерк, главное, чтоб ученики не забывались. Кого линейкой по голове ударишь, кого на колени... Да что почерк! Пустое дело! Некрасов писатель был, а совестно глядеть, как он писал. В собрании сочинений показан его почерк.

То Некрасов, а то вы... (вздых). Я за писателя с удовольствием бы пошла. Он постоянно бы мне стихи на память писал!

Стихи и я могу написать вам, ежели желаете.

О чем же вы писать можете?

О любви... о чувствах... о ваших глазах... Прочтете очумеете... Слеза прошибет! А ежели я напишу вам поэтические стихи, то дадите тогда ручку поцеловать?

Велика важность!.. Да хоть сейчас целуйте!

Щупкин вскочил и, выпучив глаза, припал к пухлой, пахнувшей яичным мылом, ручке.

Снимай образ! заторопился Пеплов, толкнув локтем свою жену, бледнея от волнения и застегиваясь. Идем! Ну!

И, не медля ни секунды, Пеплов распахнул дверь.

Дети... забормотал он, воздевая руки и слезливо мигая глазами. Господь вас благословит, дети мои... Живите... плодитесь... размножайтесь...

И... и я благословляю... проговорила мамаша, плача от счастья. Будьте счастливы, дорогие! О, вы отнимаете у меня единственное сокровище!

обратилась она к Щупкину. Любите же мою дочь, жалейте ее...

Щупкин разинул рот от изумления и испуга. Приступ родителей был так внезапен и смел, что он не мог выговорить ни одного слова.

Попался! Окрутили! подумал он, млея от ужаса. Крышка теперь тебе, брат! Не выскочишь!

И он покорно подставил свою голову, как бы желая сказать: Берите, я побежден!

Бла... благословляю... продолжал папаша и тоже заплакал. Наташенька, дочь моя... становись рядом... Петровна, давай образ...

Но тут родитель вдруг перестал плакать, и лицо у него перекошило от гнева.

Тумба! сердито сказал он жене. Голова твоя глупая! Да нешто это образ?

Ах, батюшки-светы!

Что случилось? Учитель чистописания несмело поднял глаза и увидел, что он спасен: мамаша впопыхах сняла со стены вместо образа портрет писателя

Лажечникова. Старик Пеплов и его супруга Клеопатра Петровна, с портретом в руках, стояли сконфуженные, не зная, что им делать и что говорить. Учитель чистописания воспользовался смятением и бежал.